

Сулонов Павел Евгеньевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Статья раскрывает методологические основания и проблемы исследования экстремизма как социально-политического феномена. Основное внимание автор акцентирует на необходимости определения взаимосвязи и дифференциации понятий экстремизма и радикализма. Выявляются сущностные признаки и структура сознания субъекта экстремистской деятельности в политической сфере. Анализируется проблема насилия и принуждения в политическом дискурсе. Формулируется определение политического экстремизма как идейно-мировоззренческого явления, диалектически сочетающего конструктивное и деконструктивное начала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 176-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Вероятно, что этот исторический «урок» показывает современным педагогам, как духовные ценности, заложенные в основу образовательных программ и дидактических систем, способны формировать ментальность народа, его самосознание и самодостаточность, как признаки зрелости духа. В свою очередь, ориентация современной педагогики на гуманитарные, духовные ценностные доминанты может являться залогом консолидации российского общества, которое в период глобального системного кризиса нуждается в аксиологической ориентации с учетом собственного накопленного опыта.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 332 с.
2. Бермус А. Г. Онтологический поворот в науках об образовании [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный ежеквартальный журнал. 2013. № 2. URL: <http://i1121.petrstu.ru/journal/article.php?id=2081> (дата обращения: 01.11.2013).
3. Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2005. 556 с.
4. Валицкая А. П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик: колл. монография. СПб.: Астерион, 2013. С. 5-14.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Институт русской цивилизации. М., 2008. 816 с.
6. Днепров Э. Д., Кошелева О. Е., Корнетов Г. Б. и др. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров; АПН СССР, НИИ общ. педагогики. М.: Педагогика, 1989. 479 с.
7. Лихачев Д. С., Романов Б. А. Повесть временных лет. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
8. Салихова Р. М. Развитие гражданского воспитания в России (историко-педагогический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-156.
9. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1990. Т. 1. 416 с.

“SHIP OF SOUL”, OR MORAL-AESTHETIC VALUES IN OLD RUSSIAN PEDAGOGICAL TRADITION

Suvorova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy
Petrozavodsk State University
suvormih@list.ru

The problem of the Russian society axiological dissociation, which is actively discussed in modern humanities, is considered in the article. The author assigns a special part to native educational system in culture value sphere formation. The philosophical analysis of the Old Russian culture value sphere allows revealing education role and place in the problem of the personality's moral-aesthetic values formation in native traditions aspect.

Key words and phrases: axiosphere; aesthetics; pedagogy; education; upbringing; moral-aesthetic values.

УДК 303.01

Политология

Статья раскрывает методологические основания и проблемы исследования экстремизма как социально-политического феномена. Основное внимание автор акцентирует на необходимости определения взаимосвязи и дифференциации понятий экстремизма и радикализма. Выявляются сущностные признаки и структура сознания субъекта экстремистской деятельности в политической сфере. Анализируется проблема насилия и принуждения в политическом дискурсе. Формулируется определение политического экстремизма как идейно-мировоззренческого явления, диалектически сочетающего конструктивное и деконструктивное начала.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; радикализм; деконструктивизм; радикалистское сознание; экстремистская установка.

Суслонов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доцент
Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России
dr.suslonow2010@yandex.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА[©]**

В политическом обиходе существует устойчивый синонимический ряд терминов, описывающих интересное нас явление. В первую очередь это радикализм и экстремизм. Кроме этого, следует учитывать

неотделимость от изучаемой проблемы феноменов фанатизма, фундаментализма и терроризма. В научных работах, посвященных данной тематике, вышеперечисленные феномены исследуются в едином контексте. Это объясняется тем, что в их основе лежат некоторые общие идейно-мировоззренческие, социально-политические и психологические факторы. В том или ином исследовании в зависимости от целей акценты могут расставляться по-разному, но в любом случае одно невозможно изучать без другого. Например, в работе Д. В. Ольшанского исследуется терроризм, но его невозможно объяснить без анализа политической составляющей – радикализма и экстремизма [8, с. 7]. А О. Ф. Русакова, посвятив свою работу вопросам типологии политического радикализма, не может уйти от анализа политического экстремизма, отмечая, что оппозиционный и властвующий радикализм перерастает в политический экстремизм [9, с. 15].

Радикализм – это комплекс социально-политических идей и действий, направленных на наиболее кардинальное, решительное, глубокое («коренное») изменение существующих социальных отношений и политических институтов. Радикал – это общеупотребимый термин, обозначающий политический субъект, по идейно-мировоззренческим и политическим соображениям стремящийся к подобным преобразованиям.

В отличие от понятия «экстремист», понятие «радикал» не несет на себе печати однозначно негативной оценки, поскольку в нем делается акцент именно на идеях и ценностях, а не на действиях и их последствиях, хотя они и очень тесно связаны.

Будучи политическим, феномен радикализма обусловлен целым рядом причин исторического, социального, экономического, религиозного характера. Следует иметь в виду, что в научной и публицистической литературе понятие «радикализм» употреблялось в двух смыслах. В узком смысле данное понятие использовалось для обозначения довольно умеренных реформистских течений и движений. Впервые оно появилось в Англии XVIII в. среди противников Билля об избирательной реформе 1832 г. (по отношению к сторонникам данной реформы). Далее «философским радикалом» называли утилитариста Иеремию Бентама [10, с. 426]. В эпоху Нового времени радикалами считались идеологи буржуазно-демократических преобразований Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, создавшие доктрину прогресса и «естественных прав» человека и доказывавшие необходимость радикального переустройства общества на новых, рациональных началах. Радикальные идеи этих мыслителей перешли в революционный экстремизм Великой Французской революции, в ходе которой якобинцы попытались на практике воплотить идеалы Просвещения. В XIX-XX вв. понятие радикализма стало употребляться по отношению и к левым, и к правым силам.

В широком смысле радикализм является культурным и политическим феноменом, который может быть присущ самым различным политическим направлениям. Можно выделить характерные, «родовые» черты радикализма.

1) Негативное отношение к сложившейся социально-политической действительности, к устойчивым формам политической жизни. Например, западноевропейские леворадикалы, последователи философа Г. Маркузе, считали, что первым шагом к реализации проекта будущего должен быть «великий отказ» от всех реалий буржуазного общества [6, с. 296].

2) Идеологическая редукция, сведение всех аспектов социально-политической действительности к одному абстрактному проекту, принципу, идее. Например, Иеремию Бентам считал, что все в обществе должно оцениваться исходя из принципа полезности.

3) Готовность к использованию «крайних» средств достижения политических целей, т.е. средств, выходящих за рамки общепризнанных моральных и правовых норм.

Радикализм имеет свои разновидности. В частности, Д. В. Ольшанский выделяет так называемые «радикализм мысли» и «радикализм формы» [8, с. 169]. «Радикализм мысли» рассматривает социально-политические идеи, проекты и социально-философские рассуждения. Это так называемый «философский радикализм». Философы могут выдвигать самые смелые проекты преобразования общества, но при этом последние будут оставаться всего лишь результатом рефлексии и не превращаться в догму. «Радикализм формы» исходит из неких базовых аксиом, стремясь не к размышлениям, а к простым и готовым решениям. В основе политического экстремизма лежит именно «радикализм формы». «Философский радикализм» имеет шанс эволюционировать в направлении «радикализма формы», а значит и политического экстремизма. Этот процесс всегда трагичен, поскольку зачастую происходит вопреки воле авторов соответствующих социально-философских идей.

Трансформацию «радикализма мысли» в «радикализм формы» можно проследить на примере так называемой Франкфуртской школы социальной философии, которая сложилась в 30-50-е гг. XX в. на базе Франкфуртского института социальных исследований и издававшегося им журнала «Zeitschrift für Sozialforschung». К этой школе относились М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе. Вначале они выдвигали только идеи: М. Хоркхаймер создал «критическую теорию общества» [12, с. 190], Т. Адорно выдвинул идею «самоубийства искусства» [11, с. 98], Г. Маркузе говорил о необходимости «Великого отказа» от буржуазных реалий. Это была всего лишь философия, но их последователи сделали из этой философии далеко идущие выводы. Так, например, Г. Маркузе рассматривал современный капитализм как «одномерное общество», которое подавляет все возможные альтернативы не «одномерного» развития. «Маркузеанцы» же сделали из этого политический вывод: надо сорвать с буржуазно-демократического государства маску благопристойности и спровоцировать его на «фашистские репрессии». Это достигается уличными беспорядками, а затем и «городской партизанской войной». И хотя основатели Франкфуртской школы и отмежевывались от своих последователей в лице леворадикалов, философские идеи уже жили своей жизнью, помимо воли их создателей.

Справедливо рассматривать политический радикализм как составляющую часть и родовый признак политического экстремизма, несмотря на то, что это все-таки разные вещи. Думается, что проблема еще заключается и в качестве «людского материала», то есть в способности носителей радикальных идей к их осуществлению.

Политический экстремизм является продолжением политического радикализма. Поскольку радикализм есть совокупность неких ярких, необычных, выходящих за рамки допустимого идей, то логично, что для их реализации применимы аналогичные, т.е. «крайние» средства. Перед исследователями политического экстремизма с неизбежностью встает вопрос: а что считать «крайними» средствами, что подразумевается под «крайностями»? В политологической и социально-философской литературе на этот вопрос нет ясного и четкого ответа.

Мы полагаем, что современные авторы, пишущие о политическом экстремизме, подразумевают следующее положение: сущностным признаком политического экстремизма является использование насилия для достижения своих политических целей, т.е. политического насилия.

Следует сразу отдифференцировать понятие политического насилия от понятия государственно-правового принуждения (властного принуждения). Действительно, если исследовать русскую лингвистическую традицию, то можно увидеть, что понятие «насилие» не тождественно ни понятию «сила», ни понятию «принуждение».

Во-первых, понятие «сила» имеет отношение не только к сфере человеческих взаимоотношений, но и к природе как таковой. В понятии же «насилие» подчеркивается направленность на человека. Во-вторых, понятие «принуждение» не несет на себе печати негативной моральной оценки (производные же от понятия «насилие» – «насилует», «насилник»). В-третьих, понятие «насилие» подразумевает именно психофизическое воздействие на индивида. Приведем пример одного из политологических определений политического насилия: «Физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты» [3, с. 24]. Полагаем, что в объем понятия «политическое насилие» должна включаться и угроза применения насилия как психологическое принуждение индивида (запугивание).

Определение сущности политического экстремизма через политическое насилие характерно для западной политической науки и публицистики. Западные авторы вносят негативный оценочный смысл в определение политического насилия, относя последнее к «крайним», выходящим за пределы допустимого средствам. Некоторые авторы полагают, что насилие как таковое вообще должно быть исключено из сферы политики. Например, Х. Арендт считает, что использование насилия есть свидетельство отсутствия власти: там, где начинается насилие, заканчивается власть. «Суть всякого правления составляет власть, а отнюдь не насилие. Насилие по самой своей природе есть не более чем орудие; как всякое средство, оно неизменно нуждается в наличии некоей направляющей цели, служащей к тому же его оправданием. А то, что само по себе нуждается в оправдании или обосновании, не может являться сущностью чего бы то ни было» [1, с. 330]. Политическая власть не может существовать без признания ее легитимности со стороны граждан. Правители, которые используют психофизическое принуждение по отношению к своим подданным, чтобы обеспечить их подчинение, не имеют поддержки с их стороны, то есть власти над ними.

Однако было бы неправильно безоговорочно принять точку зрения, что власть должна целиком основываться на авторитете и согласии. Всякая власть предполагает неравное положение правителя и его подданных (асимметрию властных отношений), поэтому конфликты неизбежны. Ряд этих конфликтов требует использования средств принуждения. Поэтому некоторые авторы пытаются развести понятия принуждения и насилия через критерий оправданности (легитимности). Принуждение – это применение государственной властью средств психофизического воздействия на индивида, которое оправдано и морально, и юридически. Насилие – это применение таких же средств оппозиционными группировками или властью, не получившее морального и юридического оправдания.

Иногда можно столкнуться с суждением, что насилие (принуждение) является сущностным признаком власти: «Власть обозначает реализацию воли одного вопреки сопротивлению другого» [7, с. 107]. Но государство не применяет психофизическое воздействие всегда и везде, а всего лишь имеет аппарат насилия и монополию на это насилие. «...Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – “область” включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия» [4]. То есть право государства на психофизическое принуждение также ограничено определенными рамками. Что же это за рамки?

В нынешнем цивилизованном сообществе основной ценностью является человек, его права и свободы. Данная точка зрения является традицией европейского мировоззрения и политико-правового сознания, идущей от Нового времени. В эту эпоху возникает позиция, отвергающая допустимость крайних средств для достижения политических целей. И. Кант признавал, что социальные конфликты и революции естественны, т.к. природа человека несовершенна, но считал экстремизм, т.е. насильственные действия, аморальным и антиправовым явлением. «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, – это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка» [5]. Кант противопоставляет принципу «цель оправдывает средства» категорический императив, согласно которому личность ни в коем случае нельзя рассматривать как средство. Кант призывал к вытеснению крайних средств из сферы социальных отношений и утверждению принципов «вечного мира».

Право и государство являются средствами наиболее полной реализации прав и свобод человека и гражданина. Напрашивается очевидный вывод, что следующим сущностным признаком политического экстремизма является посягательство на права и свободы человека и гражданина.

С вышеуказанным связан еще один признак – правовой нигилизм как качественная характеристика правового сознания субъекта политического экстремизма. Любые политические перемены подталкивают их участников к использованию «крайних» средств воздействия на политических оппонентов и противников. Но в современном обществе у любых политических целей есть своя «цена», допустимые средства их достижения. Неупорядоченность социальных отношений в ходе достижения желанной цели является неизбежной, необходимо только, чтобы эта неупорядоченность не достигла критической точки и не переросла в хаос. Иначе все преобразования лишаются смысла и переходят в разрушение.

Вышеназванные признаки (использование политического насилия, посягательство на права и свободы человека, правовой нигилизм) следует объединить понятием деконструктивизма, т.е. разрушения как способа политической деятельности. Однако было бы заблуждением воспринимать политический экстремизм цели как деконструктивное явление. Разрушение происходит для достижения радикальной политической цели, поэтому невозможно понять исследуемое нами явление без обращения к цели, т.е. к конструктивному началу. Диалектика «конструктивного-деконструктивного» – ключевой момент в понимании политического экстремизма («Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...»). Необходимо выявить специфику идеалов и ценностей экстремизма, показать его аксиологию.

Одной из важнейших составляющих политического экстремизма является радикалистский тип сознания и радикалистская политическая культура. А. И. Демидов подразумевает под последней «специфическое распределение политических ценностей, рассматриваемых субъектом в качестве нерасторжимых со своим существованием» [2, с. 74].

Политическую культуру можно представить как комбинацию двух пар ценностей: порядка и развития, равенства и свободы. Ориентация на эти ценности предполагает сочетание в деятельности политика разновекторных усилий. Стремление обеспечить порядок предполагает сосредоточение усилий на поддержании порядка, но стремление к развитию ведет к известному беспорядку, который неизбежно возникает в процессе социальных изменений. Равенство предполагает предоставление каждому индивиду одинаковых условий и возможностей, стремление же к свободе снимает с индивида ограничения, что ведет к нарушению равенства. Стабильность общества зависит от гармоничного сочетания политиками этих ценностей.

В радикалистской политической культуре определен тип политических ценностей преобладает абсолютно. Например, леворадикальная идеология педалирует идею равенства, превознося ее над свободой (фактически, а не декларативно), а праворадикалы ставят порядок выше развития. На практике это выливается в политическое насилие, направленное на нарушение неотъемлемых прав человека. В истории России существовал тип радикалистской политической культуры и соответствующей экстремистской практики, ставящий ценности изменения и равенства выше ценностей порядка и свободы.

Дважды в XX веке в России делалась попытка форсировать события посредством жестких политических средств и приблизить желанный политический идеал. Но и в том, и в другом случаях это оборачивалось разрывом целей и средств. И коммунистическая, и ультралиберальная идеологии декларировали ценность человека, но на деле все оборачивалось пренебрежением к человеку. Люди стали рассматриваться как материал построения совершенной социально-политической системы.

Политические цели инвертируются, превращаются в свою противоположность, если отсутствует жесткая координация, взаимозависимость целей и средств. Не только средства должны выбираться в соответствии с целью (быть нравственно и юридически оправданными), но и цель должна выбираться с учетом наличных средств. Зачастую разрыв между целью и средствами происходит в силу различия природы того и другого. Цели формируются в сфере философии и идеологии, а средства – в социокультурной области, и на них влияет множество объективных факторов: экономических, демографических, этнических, технических и т.д. Неизбежно, что сначала возникает политический идеал, и только потом, по прошествии времени, формируется набор средств, пригодных для его достижения. Радикалистское политическое сознание игнорирует этот временной отрезок, эту дистанцию, считая, что раз поставлены цели, то должны быть и средства, достаточно лишь их найти и применить.

Политический экстремизм выступает как образ политического действия, ориентированного на достижение поставленной цели в условиях отсутствия приемлемых политических средств, которые бы могли упорядочивать, а не дестабилизировать отношения в обществе.

Результатом отсутствия или дефицита таких средств является оплошность и использование «крайних», насильственных мер, приносящих в жертву идею отдельного человека. Радикалистское сознание трансформируется в экстремистскую установку на насилие, веру в то, что с помощью насилия можно решить любую сложную политическую проблему, разрешить любое противоречие. В политической науке этот процесс получил название редукционизма, то есть стремления свести сложную проблему к простым способам ее решения. Отсюда возникло множество «крылатых» выражений, отражающих экстремистскую установку в политической деятельности: «революция не делают в белых перчатках», «насилие – девятая бабка революции», «право – возведенная в закон воля правящего класса», «разрубить гордиев узел» и т.п.

Политический экстремизм всегда трагичен не только для окружающего общества, но прежде всего для самих экстремистов. Хорошо известно еще одно «крылатое» политическое изречение – «революция пожирает

своих детей». Экстремистская политика порождает противоположные поставленным целям результаты, так как последние предопределены выбранными средствами. Например, попытка реализовать в России большевистскую утопию в отношении государства (за основу был взят кратковременный и неудачный опыт Парижской коммуны) привела к тому, что уже в начале 1918 г. пришлось принимать самые энергичные, беспощадные, решительные и драконовские меры для повышения самоорганизации и дисциплины рабочих и крестьян России. Порядок в России большевики были вынуждены наводить с помощью самых доступных и очевидных средств: террор, массовые репрессии, жесткая централизация власти. Все это привело к парадоксу: изначально марксизм предполагал отмирание государства, но на практике получилось невиданное усиление государства, бюрократизация власти и культ личности.

Политический радикализм и политический экстремизм порождают правовой нигилизм, и, наоборот, в политической сфере правовой нигилизм проявляет себя в радикализме и экстремизме. Экзальтация идеи свободы порождает восприятие права как препятствия к осуществлению свободы индивида. Акцент на идее равенства или порядка приводит к построению так называемого «государства законов» (вместо «правового государства»), где «право» подчинено идеологии и предназначено для принудительной реализации идеологических постулатов режима. Таким образом, радикализм, экстремизм есть идейно-мировоззренческое обоснование пренебрежения к праву, а экстремизм является непосредственной реализацией такого пренебрежения. Можно выделить несколько ключевых моментов проявления правового нигилизма в политической сфере (правовых аспектов политического экстремизма): 1) убеждение, что государство и власть даруют человеку его права, но эти права не принадлежат человеку от рождения; 2) законы рассматриваются как продукт государственной власти, а не как первичный по отношению к государству фактор; 3) право рассматривается как средство для достижения политических целей, а не является самостоятельной ценностью и целью.

Итак, говоря об идеологическом, идейно-мировоззренческом аспекте политического экстремизма, в качестве такового мы выделяем радикалистское политическое сознание, носителем которого и являются субъекты экстремистской деятельности. Это политическое сознание базируется на трех установках: допустимость и универсальность насилия как способа решения политических вопросов, правовой нигилизм и, как следствие, пренебрежение основными правами и свободами человека, отрицание абсолютной ценности индивида как такового. Все остальные идеологические признаки политического экстремизма, выделяемые в научной литературе, производны от вышеназванных. Но политический экстремизм содержит в себе и конструктивное начало, так как предполагает «великую цель», социально-политический проект, для осуществления которого необходимы деконструктивные способы.

Список литературы

1. Арндт Х. О насилии // Мораль в политике. М.: Изд-во МГУ, 2004. 480 с.
2. Демидов А. И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. 1992. № 4. С. 74-76.
3. Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социополитический анализ. М., 2000. 328 с.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkheim/_Soc_intro.php (дата обращения: 22.09.2013).
5. Кант И. Метафизика нравов [Электронный ресурс]. М., 1966. Ч. 2. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000502/> (дата обращения: 22.09.2013).
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 344 с.
7. Миллс Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 106-109.
8. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
9. Русакова О. Ф. Радикализм в России и в современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. 352 с.
10. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии / пер. с англ. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1999. 782 с.
11. Социальная философия франкфуртской школы: критические очерки / ред. колл. Б. Н. Бессонов, И. С. Нарский, М. В. Яковлев. М.: Мысль, 1975. 359 с.
12. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.: Медиум, 1997. 310 с.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF POLITICAL EXTREMISM RESEARCH

Suslonov Pavel Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ural Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russia
dr.suslonow2010@yandex.ru

The article reveals the methodological foundations and problems of extremism research as a social-political phenomenon. The author pays special attention to the need to determine the interrelation and differentiation of the notions "extremism" and "radicalism". The essential features and structure of extremist activity subject's consciousness in political sphere are revealed. The problem of violence and coercion in political discourse is analyzed. The definition of political extremism as an ideological and worldview phenomenon dialectically combining constructive and deconstructive principles is formulated.

Key words and phrases: extremism; radicalism; deconstruction; radical consciousness; extremist attitude.